

ВЛАДИМИР ЧЕРНЯВСКИЙ

**ВТОРАЯ
ПОПЫТКА**

Семь историй о близком
и далеком будущем

Владимир Чернявский

Вторая попытка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69559693

SelfPub; 2023

Аннотация

Новые технологии стремительно меняют жизнь. Человечество погружается в виртуальные миры и тянется в космос. Каким будет наше будущее? Есть ли оно у нас? Семь непохожих друг на друга фантастических историй по-своему отвечают на эти вопросы.

Содержание

Навигатор	4
Поездка к куполу	20
Сеятель	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Чернявский

Вторая попытка

Навигатор

Весна принесла паводок. Вода подступила к стенам дома. Юй примотал записку к радиомаячку, засунул его в пустую майонезную банку и тщательно закупорил, промазав клеем шов между стеклом и жестяной крышкой. Затем высунулся из окна и на веревке спустил емкость в воду. Мутный поток подхватил банку, завертел и понес. С минуту ее стеклянный бок поблескивал на поверхности, но вскоре исчез среди мусора.

На письмо у Юя ушло больше месяца. Он тщательно, трафаретным шрифтом, наносил на бумагу слова, стараясь, чтобы строки ложились ровно и не заваливались, маячок же спаял всего за день из деталей старого радиоприемника, пылившегося среди хлама в кладовке. Юй скрывал свое занятие от матери – он скажет ей позже, когда дело будет сделано и послание уплывет к адресату. Пришло время принцу искать принцессу.

Юй жил в одноэтажном шлакоблочном доме, примостившемся в излучине между рекой и дорогой. Одну комнату

занимали они с матерью, а две оставшиеся – дядька с женой. Дядька был не родной, но жил с ними, сколько Юй себя помнил. По утрам Юй стоял в очереди в общий санузел, совмещенный с ванной, впереди переминался с ноги на ногу дядька, ожидая, когда вымоется жена, и Юй пялился на голую дядькину спину с переброшенным через плечо махровым полотенцем.

Ландшафт дядькиной спины походил на лунный глобус, стоящий в комнате за стеклянной дверцей серванта: такие же впадины, холмы и кратеры. Юй представлял, как метеориты годами бомбардируют некогда гладкую кожу, оставляя на ней прыщи и ссадины.

О метеоритах Юй узнал от матери. Раньше она преподавала в школе астрономию. Когда этот предмет отменили, их квартира наполнилась ненужными глобусами планет и картами созвездий. «Забрала с помойки», – вздыхала мать. Юй часами изучал эти артефакты минувшей эпохи, зубря названия небесных тел вместе с длинными списками их масс, диаметров, плотностей и орбит.

Кроме звездных атласов в шкафу лежали книги, оставшиеся от отца, в основном – энциклопедии и справочники, заполненные таблицами, графиками и схемами. Юй знал все их почти наизусть и мог с ходу найти нужные строки с ответом на интересовавший его вопрос. В воображении он часто путешествовал по страницам отцовских книг, на многие часы забывая об окружающем мире.

* * *

Прошли весна и два летних месяца. В одну из августовских ночей Юю приснились киты. Огромные лоснящиеся туши скользили по звездному океану, издавая протяжные стоны. Утром же приехала Принцесса. Она позвонила в дверь и, когда мать открыла, протянула ей выловленное из реки письмо Юя. Принцесса, одетая в ситцевое платье, белое в синий горошек, замерла на пороге. У ее ног стоял выдавший виды потертый чемодан. Мать прочитала послание и молча посторонилась, пропуская гостью в дом.

Чтобы разместить Принцессу, мать отгородила часть комнаты бельевой веревкой с висящей на ней выцветшей шторой. На следующее утро, придя к туалету, жена дядьки впервые наткнулась на запертую на замок дверь. В ванной мылась Принцесса. Из-за двери доносились шум воды и невнятная песня с бодрым мотивом.

Юй сидел за столом и наблюдал, как чайники в стеклянном заварочном чайнике набухают и медленно поднимаются со дна к поверхности. В коридоре гремел дядькин бас, и временами к нему присоединялся писклявый теткин фальцет. Дядька орал и колотил кулаками по хлипкой двери туалета. Внезапно раздался оглушительный грохот. Юй выскочил в коридор. Дядька, хрипя, лежал на полу, а его побледневшая жена жалась к стене. Мимо них, пританцовывая, шла Принцесса в легком розовом халатике и с махровым тюрбаном на голове.

Спустя полчаса Юй вместе с матерью и Принцессой пили чай. Юй жевал бутерброд, а Принцесса расспрашивала их об отце. Тот работал главным инженером в НИИ. Дядьку к ним подселили присматривать за отцом. Отец умер, а дядька остался в их доме.

Принцесса спрашивала, знает ли мать о родителях отца и откуда он приехал в эту часть страны. Но отец мало рассказывал о себе даже матери. Юй знал, насколько опасно распространяться о своих предках, особенно тем, кто связан с наукой. В газетах писали, что от пустого знания один вред и во всем должна быть конкретная, а не умозрительная польза.

– Ты мне поможешь? – Принцесса гладила Юя по голове.

Она втолковывала матери о «врожденном знании», о «генетической памяти» и о других вещах, в которых Юй не смыслил. Ему хватало того, что Принцесса рядом.

На следующее утро Юй стоял первым в очереди в туалет, ожидая, пока вымоется Принцесса, и вместо дядькиной спины видел облупившуюся дверь санузла. Из щелей между досками время от времени выныривали черные муравьи-разведчики, бежали, перебирая лапками, между кусками краски и снова ныряли под доски. Юй любил муравьев. Ему казалось, еще немного, и он разгадает смысл их суеты.

Через неделю дядька съехал из своих комнат. Принцесса выправила в городе бумаги, и теперь весь дом отошел матери Юя. Коридор заполнили коробки, чемоданы, тюки и сумки. Раскрасневшийся дядька таскал вещи на улицу, а здоровен-

ный рабочий в засаленной серой робе закидывал пожитки в открытый грузовик. В кузове между коробок сидела заплаканная дядькина жена.

Ближе к обеду грузовик заполнился доверху. Дядька и рабочий забрались в кабину, тетка осталась в кузове. Звякнула дверца, и машина тронулась. По лужам и черной грязи она медленно вырулила со двора и, натужно урча, выбралась на дорогу. Водитель со скрежетом переключил передачу. Motor взревел, и грузовик начал быстро удаляться, оставляя на сером асфальте две жирные грязные полосы.

* * *

В жизни Юя наступила новая эпоха. Принцесса переселилась в одну из комнат дядьки, а вторую занял Юй. Каждое утро начиналось с совместного завтрака, а потом Принцесса перебирала отцовскую библиотеку. Юй помогал ей: отвечал на вопросы и открывал книги на нужных страницах.

Однажды мать рассказала Принцессе, что Юй – третий ребенок в семье. Двое других умерли еще до его рождения. С тех пор Принцесса стала звать его Третьим. Каждое утро она приходила к нему комнату и, улыбаясь, говорила:

– Ну-ка, Третий, чем займемся сегодня?

Юй не возражал против нового имени: ведь его дала ему сама Принцесса.

Прошла осень. В конце ноября двор покрылся слоем раскисшей серой жижи из грязи и талого снега. По реке поплыли одинокие полупрозрачные льдины. Принцесса редко вы-

ходила из дома. Это радовало Юя: он привязался к ней и скучал, когда она отлучалась в город.

Прежде чем приступить к работе, Принцесса надевала очки в тонкой медной оправе и становилась похожа на мать Юя: такая же с виду строгая, с внимательным цепким взглядом. Мать, всегда ласковая к сыну, отдалилась от него и замкнулась после смерти отца. Принцесса же вновь вернула Юю ощущение женского тепла и заботы. Вместе они почти перебрали отцовскую библиотеку, и Юй начал лучше понимать то, что давно помнил наизусть.

* * *

Ударили морозы. Река встала. Метели накрыли бугристый лед слоями снега. Холодными днями Юй разворачивал матрас у чугунного радиатора и лежал в полудреме, наслаждаясь теплом. Он дремал и во сне поднимался по ступеням бесконечной винтовой лестницы. Слева от него зиял провал круглой шахты, а справа высилась стена, сплошь заставленная полками с книгами. Шахта, насколько хватало глаз, уходила вверх и вниз, вмещая миллионы томов. Юй мог взять любую книгу и погрузиться в мир ее образов и идей. Они представлялись ему комбинацией множества геометрических фигур, составляющих объемные супрематистские картины.

Проснувшись, Юй делился увиденным с Принцессой, а она делала зарисовки по его рассказам. Принцесса любила рисовать углем. Юю нравилось смотреть, как она растушевывает тени, а потом долго не может смыть черноту с паль-

цев. Ему казалось, что через сажу, хранящую отпечатки его снов, между ним и Принцессой устанавливается невидимая связь.

* * *

Весеннее тепло пришло неожиданно, накатив волной на двор и реку. Снег, окружавший дом, превратился в журчащие ручьи и широкие лужи. В прогалинах зазеленела молодая травка. Река снова вышла из берегов и подступила к самому дому. Весна, всегда наполнявшая жизнь Юя радостью и щемящим чувством надежды, на этот раз принесла беду.

Однажды, в последних числах марта, Юй проснулся среди ночи. Сквозь шторы в комнату пробивался бледный лунный свет. Глухую тишину нарушал лишь мерный стук настенных часов. Юй представил, как внутри них медленно раскручивается стальная пружина, заставляя зубчатые колеса крутиться.

Внезапно к тиканью добавился неясный шипящий звук. Юй успел приподняться на постели, когда дом вдруг вздрогнул и накренился. Юя выбросило из кровати. Он больно ударился о пол, покатился к двери и на четвереньках выполз в коридор. Снова трянуло. Дом наполнился грохотом и едким дымом. Входная дверь рухнула вместе с частью стены, и в открывшийся провал полезли темные человеческие фигуры. Среди них Юй заметил дядьку, их прежнего соседа.

В коридор выскочила Принцесса. В ее руках бешено вращался многоствольный барабан, выплевывая на атакующих

потоки дробы. Ударили ответные выстрелы. Дом наполнился свистом пуль и звоном бьющихся стекол. Пули рвали обои и выбивали из стен фонтаны штукатурки, от мебели летела щепка.

Юй полз, не разбирая дороги, пока не уперся в мягкую преграду. Он приподнял голову. Мать неподвижно лежала поперек коридора в бордовом от крови халате. В ее остеклевенных глазах отражался отсвет занимающегося пожара.

* * *

Принцесса схватила Юя за пояс, вышвырнула из окна в реку и следом прыгнула сама. Глотая холодную воду, они подплыли к лодке. Плоскодонка заскользила вниз по течению. Юй, дрожа, привстал на корме и остолбенел, глядя, как в дыму и языках пламени исчезает его дом. Юй чувствовал, что вместе с углыми стенами сторает и его прежняя жизнь.

С первыми лучами солнца Принцесса направила лодку к поросшему камышом берегу. Они выбрались на пологий склон и кое-как отмылись от копоти и крови. Принцесса повела Юя через поле в сторону чернеющего вдалеке леса. Над травой стелился густой туман, они рассекали его своими телами, будто купались в молочной реке.

К полудню они вышли к разбитой бетонной дороге. На ее обочине Принцесса разыскала спрятанный под ветками старенький автомобиль. Он повез их прочь от реки в покрытые лесом горы.

В машине Юй дремал. В своих снах он видел мать, чув-

ствуя пустоту там, где раньше было тепло и надежно.

* * *

Замок Принцессы прятался внутри живописной седловидной горы. Вход в него преграждал массивный стальной шлюз, а в жилые помещения вела глубокая шахта лифта. Принцесса называла замок станцией. Говорила, что родилась и выросла в ее стенах.

Вместе с Принцессой на станции жили ее подданные – мужчины, женщины и дети. Они называли Принцессу Капитаном. Юй чувствовал, что попал в дружную семью. Ему даже выделили отдельную большую комнату, хотя остальные ютились в тесноте.

Жизнь потекла своим чередом. Юю снились сны о спиральной библиотеке, и он, как прежде, пересказывал их Принцессе. Она делала зарисовки и крепила их на стены комнаты Юя, которые вскоре стали похожими на пленку черно-белого кинофильма, кадры которого безнадежно перепутал незадачливый монтажер.

Принцесса подолгу рассматривала рисунки. Иногда она снимала какой-нибудь со стены и просила Юя рассказать, что он видит. Юй чувствовал: за угольными узорами спрятано нечто важное, но не находил для этого знания нужной формы. Так порой трудно поймать слово, которое уже, кажется, вертится на языке.

Весна сменилась летом. Юй с Принцессой начали выходить на прогулки в лес. Принцесса любила устраивать пик-

ники, расстилая под старым вязом аляповатое покрывало. Между пакетами с едой сновали муравьи. К Юю и Принцессе подлетали птицы, и Принцесса бросала им хлебные крошки. Юю нравилось лежать на мягкой и немного колючей подстилке, смотреть, как солнечные лучи высвечивают на листьях тысячи прожилок.

Иногда над ними на большой высоте пролетал аэроплан. В такие моменты они прятались под кронами деревьев. Принцесса говорила, что сильно рискует, забрав Юя с собой, но «нужно использовать шанс». Годы назад, до рождения Принцессы, станционники селились во всех городах по обе стороны реки. Они помогали изменять жизнь к лучшему. Однако после военного переворота на них объявили охоту. Многие сгинули, но саму станцию не так-то легко обнаружить.

– Люди не терпят тех, кто знает больше, – говорила Принцесса. – Теперь этот мир стремительно катится в пропасть. – Она вздыхала, обнимая Юя. – И ничего нельзя исправить. Мы и сами почти забыли, кто мы такие.

Юй начал составлять гербарий. Принцесса принесла картонные альбомы, и Юй вклеивал в них высушенные листья. Тонкая вязь их прожилок завораживали его не меньше снов и рисунков Принцессы.

* * *

В один из летних дней они по обыкновению вышли со станции, но не спустились в лес, а поднялись по склону седловидной горы. Там, по словам Принцессы, размещалась

старая обсерватория. И действительно, вскоре на одной из скал показался характерный продолговатый купол, накрытый маскировочной сеткой. У основания скалы они нашли проржавевшую дверь и долго в круге света фонарика поднимались по лестнице с широкими пролетами.

К огорчению Юя, от телескопа остался только покореженный остов. Под ногами хрустели битые кирпичи и куски бетона. Пахло сыростью. Принцесса попросила Юя покрутить маховик на стене. Он осторожно взялся за ржавый обод и без особой надежды поднатужился. Механизм заскрипел, но поддался. Створки купола с приглушенным урчанием раздвинулись, открыв вид на колыхавшийся у подножия горы зеленый лесной океан.

В обсерватории они провели весь день и остались на ночь. Юй положил спальник под щелью раскрытого купола и после захода солнца долго смотрел на тысячи звезд, заполнивших бездонное черное небо. Он незаметно уснул, и ему привиделось, будто он поднимается по лестнице в обсерваторию. Ему не понадобился фонарик: ступени впереди вспыхивали ярко-синим цветом. На одном из пролетов Юй прошел в открывшуюся в стене дверь. Переступая порог, он прочитал выведенную бордовой краской надпись «ВНЕШНИЙ ЭВАКУАЦИОННЫЙ ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ».

* * *

Утром Юя разбудили капли дождя. Небо затянуло тяжелыми темными тучами. Принцесса тоже проснулась и, вско-

чив, крутила маховик, закрывая створки купола. Как только они сомкнулись, дождь с силой забарабанил по металлической обшивке, наполняя зал низким вибрирующим гулом.

Юй и Принцесса наспех собрались. Они выскочили на склон горы, когда его уже захватил набирающий силу грязевой поток. Дождь перешел в ливень, и спуск превратился в опасное скольжение. До станции они добрались насквозь промокшие, выпачканные в глине, но веселые и счастливые, будто стихия наполнила их силой.

Так прошел их последний радостный и беспечный день. Когда закончился ливень, в небе появился аэроплан. Он не пролетел мимо, а принялся описывать круги над седловидной горой. В воздухе непрерывно гудели его моторы.

– Похоже, придется встречать гостей. – Принцесса озабоченно покачала головой.

Жизнь на станции забурлила и перестроилась на новый лад. На нижние этажи переселялись женщины и дети, на верхние поднимались мужчины с оружием.

Аэроплан два дня подряд прилетал и кружил над горой, в лесу разведчики заметили посторонних. На третий день на ближайшую дорогу выехала колонна военной техники. Желтое облако пыли из-под колес и гусениц хорошо просматривалось с верхних этажей станции. Уже к полудню войска выгрузились в пяти километрах от седловидной горы и развернулись в боевой порядок.

* * *

После похода в обсерваторию Юю нездоровилось. Мир словно расслоился. Юй лежал на кровати в своей комнате и одновременно поднимался по лестнице спиральной библиотеки.

Вместо книг полки занимали рисунки Принцессы, собранные им гербарии, схемы из папок отца и школьные звездные атласы матери. Как только Юй прикасался к ним, они увеличивались и заполняли все окружающее пространство. Обдирая колени и ладони, он пробирался среди угловатых геометрических фигур. Юй пытался разгадать их смысл, но, как ни напрягался, в итоге путался и терялся.

Он почти отчаялся, когда картинка сложилась, словно по щелчку. Сны, звездные карты, зарисовки гербариев совместились в многомерном рисунке, в центре которого находился сам Юй.

Створки шлюза с лязгом захлопнулись за спиной. Юй закинул на плечо наспех собранный рюкзак и под нарастающий гул военной техники помчался вверх по склону. Через четверть часа, задыхаясь от бега, он ступил на лестницу обсерватории, зажег восковую свечу, захваченную с собой вместо фонарика, и начал подъем. Слабый огонек высвечивал в темени лишь небольшой участок лестницы, но внутри у Юя царила полная ясность.

На последнем пролете он приблизился к глухой стене и коснулся шершавого бетона. Поверхность стены завибрировала, осветилась ярким синим светом и отъехала в сторону,

открыв проход в просторный сумрачный зал. В затхлой полутьме по стенам тянулись панели приборов и пультов.

Юй подошел к прямоугольному выступу в центре зала и положил ладонь на верхнюю грань выступа. Контур пальцев Юя очертился синей световой линией. Загудели невидимые моторы, на потолке, потрескивая, зажглись белые электрические лампы.

Следом на стенах засветились экраны. На них Юй увидел горные склоны вокруг станции. Звука не было. В полной тишине, подминая кусты и деревья, ехали сквозь лес самоходки и танки. За ними семенили люди в зеленом камуфляже с автоматами в руках. Из стволов машин вылетали пылающие шары и стремительно неслись к станции. Иногда снаряды отклонялись к обсерватории, и тогда пол под ногами Юя вздрагивал и картинка на экранах шла рябью. Со стороны станции в атакующих тоже стреляли. Огненные грибы лопались между машинами, и люди в камуфляже, спотыкаясь, падали ничком на землю.

Другие экраны показывали станцию изнутри. Бойцы подносили к орудиям снаряды, ожесточенно давили на рычаги ракетниц и гашетки пулеметов. Без звука происходящее походило на кадры немого кино.

На самом большом экране невидимый оператор снимал помещение, где находилась Принцесса. Бледная и сосредоточенная, она вглядывалась в приборы перед собой, отдавала команды и слушала донесения.

Юй провел рукой по поверхности центральной панели. Она дрогнула и отъехала в сторону, уступив место массивному креслу. На его спинке светилась надпись «НАВИГАТОР» и ниже – «UI-3».

Забравшись в кресло, Юй еще раз взглянул на Принцессу и вдавил кнопку на подлокотнике. Ему на голову опустился полупрозрачный шлем. Юй с минуту посидел неподвижно, а потом его пальцы заплясали в воздухе, набирая команды на невидимой клавиатуре.

* * *

Юй летел вдоль стеллажей спиральной библиотеки. Он мог мгновенно дотянуться до любой книги и коснуться любой точки трехмерного звездного атласа, заполнившего некогда пустую бездонную шахту.

Скользя мимо цветных корешков, Юй извлекал из книг нужные ему геометрические элементы. Он соединял их в замысловатые фигуры и вставлял внутрь звездного атласа. Космическое пространство тут же приходило в движение: одни звезды увеличивались, а другие уменьшались и пропадали.

Время исчезло. Юй растворился в потоках цифр и символов и лишь чувствовал, как растет напряжение по мере приближения к цели. Наконец его бесплотная рука дотянулась до раскаленной оранжевой сферы. Вокруг нее по эллиптическим орбитам вращались десять точек-планет.

Юй закончил работу. Он обвел светящейся рамкой най-

денную звезду и нажал на вспыхнувшую перед глазами надпись «ЭВАКУАЦИЯ». Вокруг разлилось голубое сияние, и Юй растворился в нем без остатка.

Он не видел, как в коридорах станции замигала предстартовая сигнализация и с гулом закрылись перегородки между отсеками. На нижнем этаже ожил реактор. Седловидная гора задрожала. Сотни тысяч тонн земли и камней рухнули и погребли под собой атакующих. Сошедшая порода обнажила серебристый диск станции, на котором виднелась надпись «ПРИНЦЕССА». Диск медленно поднялся в воздух, порождая на поверхности бурю из пыли и пламени.

Последним обрушился дальний склон седловидной горы, погребая под многометровым завалом купол старой обсерватории. Станция поднималась все выше и выше, превратилась в сияющую серебристую точку и исчезла.

* * *

Юй сидел на траве и, прикрывая глаза ладонью, щурился на ласковое теплое солнце. Сквозь пальцы он видел мать. Она сосредоточено резала хлеб и раскладывала его по расставленным на подстилке тарелкам. Отец стоял поодаль и курил, улыбаясь сыну сквозь пожелтевшие от табака усы. Юй улыбнулся в ответ, встал, подошел к нему и обнял.

Поездка к куполу

Ким хорошо помнил первую поездку к куполу. Ему только исполнилось пять, отец и мать были живы. Летним воскресным утром они втроем погрузились в открытую самоходную бричку на паровой тяге и медленно тронулись по еще пустому городу.

Тихо пыхтел мотор, временами с шипением выплевывая порцию отработанного пара. Ким смотрел на проплывающие мимо городские постройки, и его переполнял щенячий восторг от того, что он впервые уедет далеко от дома и увидит то, о чем так много говорят взрослые.

Бричка ехала по длинным прямым улицам. Мимо плотными рядами тянулись выкрашенные в яркие цвета дома. Высотой в два-три этажа, они с шуршанием выгибали крыши, чтобы поймать пока еще тусклый солнечный свет. Из общей картины выбивалась лишь башня Лаборатории. Ее угловатые зеркальные стены просматривались из любой точки города.

В домах с тихим жужжанием поднимались ставни. Солнце вспыхивало на темных оконных стеклах, и за ними угадывалась утренняя суэта жильцов. Ким с удивлением открыл для себя, что кроме родителей и друзей по улице в городе живет множество людей, и они не знают о его, Кима, существова-

нии. От этой мысли ему стало грустно. Он свесился за борт и принялся следить за мелькающими рисунками дорожного композита.

Однообразие скоро наскучило Киму. Он задремал, забравшись с ногами на сиденье, а когда снова открыл глаза, заметил, что дома уже не стоят бок о бок. Между ними то и дело попадались поросшие травой проплешины. Дорога покрылась ухабами, тротуары сошли на нет, по обочинам потянулись сады и виноградники, потом они сменились полями, засеянными пшеницей и просом.

Ким и его родители пообедали, не выходя из брочки. Солнце давно перешло зенит, прежде чем они выехали на необжитую территорию. Голая бурая равнина сливалась с желтизной послеполуденного неба. Ким разглядел на земле следы других паровых машин. Он завертел головой, щурился, всматриваясь в даль, но никого не увидел.

Ким снова заскучал, но вдруг заметил странное колебание воздуха впереди экипажа. Брочка остановилась, оповестив звонком о конце маршрута, и Ким тут же спрыгнул на сухую глинистую землю.

Ему не почудилось. Воздух вибрировал и переливался, словно поверхность гигантского мыльного пузыря. Ким подошел ближе, протянул руку и тут же отдернул её, коснувшись упругой пустоты.

– Пап?! – Он обернулся к отцу.

– Это, сынок, и есть купол. Защита и граница нашего ми-

ра. – Отец сошел с подножки и помог спуститься матери. – Не бойся. Купол не причинит вреда.

Запрокинув голову, Ким попытался разглядеть верхние границы пузыря, но воздух играл красками. Ким уперся в радужную стену, изо всех сил надавил и не смог сдвинуться с места. Тогда он поднял комок бурой глины, отошел и швырнул ее в купол. Не долетев, она повисла в воздухе и медленно, будто сквозь вязкую жидкость, опустилась на землю.

– Купол нельзя пробить. – Отец потрепал серебристые вихры Кима. – Это не по силам ни человеку, ни паровой машине, ни пуле, ни снаряду.

Ким пошел вдоль радужной стены, ведя ладонью по упругой поверхности, но вскоре бегом вернулся.

– Пап, а кто сделал купол?

– Неизвестно, сынок. – Отец поморщился. – В книгах пишут, он был всегда. Правда, раньше стена проходила ближе к городу. – Он махнул в ту сторону, откуда они приехали. – Купол постепенно растет и отвоевывает для нас землю.

Ким снова задумался.

– А как попасть туда? – спросил он и показал на бурую пустыню за радужной границей.

– Там никто никогда не был, – покачал головой отец. – На пустоши частые бури, оттуда приходят монстры, но купол нас бережет. Я привез тебя сюда, чтобы ты почувствовал и понял это. Наш мир под защитой купола и Лаборатории.

Отец подошел к экипажу и достал корзину с едой. Мать

вытащила покрывало и расстелила на земле. Расставили тарелки, нарезали хлеб, сыр, ветчину и фрукты. Киму дали стакан с виноградным соком, родители же налили себе вина. Ким жевал бутерброд и смотрел на призрачную стену, за которой клонилось к горизонту солнце. Удлинялись тени, на небе все ясней проступали серпы лун-близнецов и бледные точки первых звезд.

* * *

С тех пор прошло двадцать лет. Киму исполнилось десять, когда началась эпидемия. Погибли тысячи горожан, среди них и его родители. В памяти остались темные коридоры крематория, пустые улицы, шеренги людей в желтых костюмах биозащиты и холодная стерильность помещений интерната.

Смерть родителей превратила Кима в нелюдимого одиночку. Его не интересовали детские забавы. Он хотел одного: победить врага, сломавшего ему жизнь. Болезнь с давних времен терзала город. На центральной площади возвышался памятник борцам с эпидемией: люди в защитных костюмах сражались с многоголовым монстром, закрывая собой детей и женщин. Ким мечтал стать одним из защитников, работать в Лаборатории.

Внутри зеркальной башни попасть мог далеко не каждый. Чтобы получить лабораторную униформу, требовалось пройти отбор. Многие годами трудились в госпитале или на технических этажах, но так и не смогли подняться на вер-

шину башни, где шла основная работа по поиску лекарства от вируса.

Но Ким пробился на самый верх как лучший ученик в школе и лучший выпускник факультета биологии. Его пригласили на прием к шефу Лаборатории еще до защиты диплома. Старый профессор перемещался в коляске, с трудом дышал и смотрел на мир выцветшими белесыми глазами, но при этом три часа тестировал Кима, прежде чем выдать новичку пропуск.

– Теперь ты не принадлежишь себе, – сипел с натугой старик, оторвав от лица кислородную маску. – Мы спасаем жизни и полностью отдаемся этой работе.

Профессор зачислил Кима в свои ассистенты. В тот же день Ким перебрался в общежитие в здании Лаборатории. Днем он помогал старику, а вечером спускался в архив и засиживался там до глубокой ночи.

Чтобы открыть правду, Киму хватило месяца. Еще три дня он провел без сна, сверяя записи журналов наблюдений и образцы биоматериалов, собранных за несколько столетий. Казалось, он прикипел к приборной панели. Проектор щелкал, меняя слайды, а Ким вводил в вычислитель новые команды, пытаясь найти ошибку в расчетах.

Будильник в наручных часах отыграл пять утра, когда Ким, едва держась на ногах, поднялся в профессорский блок. Несмотря на ранний час, старик не спал. Он сидел в коляске, глядя в панорамное окно. За стеклом из рассветной

дымки медленно проступали городские кварталы.

– Я ждал тебя, мой мальчик, – проскрипел профессор, когда Ким вошел. – Правда, не думал, что ты разберешься во всем так быстро. – Он с жужжанием развернул кресло спиной к окну. – Значит, я в тебе не ошибся. Итак, что ты выяснил?

– Мы все заражены? – спросил Ким, собравшись с мыслями.

– Да. – Старик кивнул. – Ты все верно понял. Каждый человек в городе с рождения болен.

– И купол...

– И купол – это защита. – Старик поморщился. – Мира от нас.

Профессор приложил к лицу кислородную маску и закрыл глаза. Казалось, он задремал, но спустя минуту поднял веки.

– Видишь ли, – продолжил он, – наши далекие предки страдали ложной гуманностью. У них не поднялась рука уничтожить несколько сот тысяч зараженных. Они предпочли изолировать их на дальней планете, возможно, в надежде, что больные когда-нибудь сами найдут лекарство.

Казалось, из комнаты исчез воздух. Ким, нарушая субординацию, сел на стул и расстегнул тугой воротник кителя. Старик подождал, пока Ким придет в себя.

– Когда я понял то, что сейчас открылось тебе... – Профессор грустно улыбнулся. – Сиганул с крыши и всю жизнь

провел в этом. – Он похлопал по колесам инвалидного кресла. – Но тебе не обязательно повторять чужие ошибки. Так ведь?

– Да, сэр. – Ким кивнул; сумбур в его голове немного улегся.

– Ты, наверное, думаешь, что делать дальше? – Профессор внимательно посмотрел на Кима. – Жизнь пойдет своим чередом. Ты продолжишь работать, общаться с людьми, возможно, женишься, заведешь детей и, как все, будешь пугать их монстрами пустоши.

Ким открыл было рот, чтобы возразить, но профессор жестом остановил его.

– Мы не станем сигать с крыши. Город должен жить, должны сменяться поколения. И однажды решение найдется. За сотни лет мы значительно продвинулись, и ты продолжишь эту работу.

Старик зашелся долгим кашлем и приложил к лицу кислородную маску.

– На сегодня даю тебе отгул, – закончил он, отдышавшись.

Ким вышел из профессорского блока, вызвал лифт, нажав на кнопку этажа общежития. У дверей своей комнаты он задумчиво повертел в руках ключ и вернулся к лифту. Спустившись на первый этаж, прошел по застекленному холлу на улицу и вызвал самоходный экипаж.

Бричка медленно катилась по еще пустому городу. Разноцветными рядами тянулись дома, с едва уловимым шурша-

нием двигались бугристые панели крыш, ловя первые солнечные лучи. Все выглядело прежним, но в то же время другим. Мир навсегда изменился.

Накатила усталость. Когда начались поля, Ким поднял крышу брочки, откинулся на сиденье и тут же уснул. Ему снились знакомые городские кварталы, превратившиеся в запутанный лабиринт. Ким искал выход, но все больше и больше терялся в переплетениях улиц.

Он проснулся, когда брочка прошла заданный маршрут и звякнула сигналом остановки. Ким опустил крышу и оглядел бордовую равнину. Все выглядело так же безжизненно, как и двадцать лет назад, только в пятистах метрах виднелся еще один самоходный экипаж.

Ким спрыгнул на сухую растрескавшуюся глину и пошел вперед, пока не увидел радужную поверхность купола. Если не знать, можно и не догадаться, что это прочная стена, отделяющая город от остального мира. Ким подошел вплотную и уперся ладонями в упругую пустоту. Как в далеком детстве, купол мягко отталкивал руки.

По ту сторону прозрачной преграды тянулась голая бордовая земля, сливаясь у горизонта с ярко-желтым небом. Ким вздохнул и двинулся вдоль радужной стены ко второй брочке. Когда до машины оставалось несколько метров, из-за нее вышел мужчина средних лет в сюртуке и фуражке почтовой службы.

– Вечер добрый! – Почтарь приветливо улыбнулся, про-

тягивая руку. – У нас пикник. Выпьете с нами?

Ким пожал крепкую горячую ладонь и действительно увидел за брочкой плед со снедью, а на нем – молодую женщину и мальчика лет пяти. Видно, ребенка вывезли в первое путешествие к куполу. Ким кивнул, принимая предложение. Глава семейства достал чистый бокал, налил в него вина и протянул Киму.

– Из семейных запасов! – Почтарь с гордостью улыбнулся. – Открываем только на пикниках у купола.

Женщина поднялась с бокалом вина в руке. Мальчик остался сидеть, с интересом наблюдая за взрослыми.

– За что пьем? – Ким обвел взглядом семейство.

– Конечно, за купол! – воскликнул глава семейства. – Пусть купол вечно защищает нас от монстров пустоши!

– Пусть! – эхом отозвался Ким, глядя на проступающие в небе бледные серпы лун-близнецов.

Сеятель

Вся земля полна славы Его! (Ис. 6:3)

Я уткнулся в его плечо и плакал. Горечь неминуемого расставания поднималась комом из груди, превращаясь в соленые слезы. Мокрое пятно на рубашке – все, что останется от нашей дружбы. За прошедшие годы он воспитал из меня первоклассного пилота. Теперь пора улетать. Плакать – непрофессионально. Раньше я бы получил нагоняй за неумение управлять эмоциями и гасить чувства, но в то утро он молча обнял меня, позволяя мне выплакаться.

Сеятель (так он называл себя) появился в городе в канун столетия слияния лун-близнецов. Обеспеченный горожанин в возрасте около тридцати, с правильными чертами лица и бугрящимися мускулами под складками одежды, он собирал беспризорников с улиц, давая им еду и кров, мне же заменил отца.

– Ким, ты будешь открывать новые миры, – сказал он при первой встрече.

Я смотрел в его карие прищуренные глаза и думал лишь о тепле и защите от страха, поселившегося во мне после смерти родителей и года жизни на улице. Спустя шестилетие учебы у Сеятеля я стал вдругим человеком, готовым без колеба-

ний вывести челнок с переселенцами за границы атмосферы нашей планеты.

Всех, кого Сеятель подбирал на улицах, он приводил в свой дом. Старинный особняк с классической колоннадой, множеством просторных залов, оранжереями и большим садом стоял на самой окраине города. Дальше до самого защитного купола тянулись поля и редкие фермы.

Вместе со мной в доме собрались еще сорок сверстников. Первое время мы резвились, опьяненные сытостью, теплом и уютом. Учтивые слуги и гувернеры позволяли нам целыми днями бегать по залам и играть в саду. Но после двух недель безделья свобода сменилась строгими порядками: начались занятия. Нас разделили на группы и к каждой приставили наставника. Неграмотных учили грамоте, грамотных обучали наукам.

Учебный день начинался ранним утром с построения. Сеятель медленно шел вдоль шеренги, всматриваясь в лица воспитанников. Временами он останавливался, клал руку на плечо со словами: «Ким, вчера у тебя хорошо получались простые задачи на подобие треугольников, сегодня перейдем к заданиям посложнее» или: «Иван, нужно закрепить материал о бензольных кольцах. Занеси мне вечером конспект по ароматическим связям».

Сеятель никого не ругал, стараясь к каждому найти подход. Другие учителя с нами не церемонились. После построения начинался изнурительный кросс вокруг сада, потом –

спешный завтрак и пять уроков до обеда. Далее – еще три урока, и до самого ужина – упражнения в гимнастическом зале. В конце дня – индивидуальные задания и самостоятельная работа. К десяти вечера, когда звонили в отбой, у нас едва хватало сил на то, чтобы добраться до постели и провалиться в сон без сновидений. На следующее утро все повторялось.

Однажды я сорвался с перекладины и сильно ушиб колено. Лежал на прохладном полу гимнастического зала и думал: «Ну, вот и все. Закончились мои мучения». Отдых длился недолго. Прибежала медсестра, сделала укол, приложила лед, и тренер снова посадил меня на перекладину.

Не всем такая жизнь пришлась по нраву. Многие сбегали, прихватив что-нибудь ценное из домашнего интерьера. Через три месяца настало утро, когда на построение вышли всего двенадцать учеников – те, кто научился плавать, как рыбы в воде, в потоке ежедневного распорядка.

В тот день занятия изменились. Вернувшись в дом после забега, мы замерли в удивлении. Стены главного зала раздвинулись, потолок вздулся и потемнел, а на его округлой поверхности засияли миллиарды звезд.

Это не казалось чудом. После знакомства с Сеятелем мы словно попали на сказочную карусель. День за днем она кружила нас все быстрее и быстрее. В то утро каждый получил очки и шлем, похожие на те, что носят пилоты скоростных экипажей. Мы легли в глубокие кресла и тут же, без перехо-

да, оказались на бескрайней плоской равнине.

Растрескавшаяся бурая земля тянулась вдаль, насколько хватало взгляда. Солнце слепящим ежом висело в зените. В той стороне, где на желтом небе проглядывали серпы лунблизнецов, линия горизонта перетекала в округлый пузырь защитного купола. Внутри виднелся частокол угловатых городских строений.

В городе есть обычай: первое путешествие дети совершают к границе мира. Родители привозят ребенка к радужному мерцанию защитного купола, чтобы малыш потрогал прозрачную упругую стену и убедился в ее непроницаемости и надежности. В те минуты каждый втайне обещает себе, что когда-нибудь обязательно выйдет наружу и разгадает все тайны мира. Проходят годы, и мечты угасают. Взрослые, занятые повседневными делами, без необходимости не ездят к куполу, порой забывая о самом его существовании.

Нам же выпало исполнить детские мечты. Очки и шлем позволили нам подняться над поверхностью планеты и увидеть, насколько мал обитаемый мир. Купол вмещал сотню тысяч домов, заводы, поля, озера и миллионы людей, но все равно занимал лишь небольшой клочок суши – точку, отведенную у безжизненной бордовой пустыни.

Путешествия с Сеятелем походили на сонные грезы. Наши тела покоились в креслах, а разум летел к иным планетным системам. Мы прыгали между галактиками, погружались в недра звезд, преследовали кометы. Во многих ми-

рах бурлила жизнь, часто дикая, но временами встречались и островки человеческих цивилизаций. Некоторые далеко обошли нас в развитии. Защитные купола их городов разрослись до размеров планеты. В небе парили летательные аппараты, по океанам спешили корабли, самоходные брички мчались по гладким, словно зеркало, автострадам. Другие же миры походили на наш столетия назад: небольшой купол, в котором помещался скорее поселок, чем город.

Невидимые и вездесущие, мы узнавали, как разнообразно и непохоже устроена жизнь. Сеятель будто открыл перед нами дверь в сказку. Заботливый, сильный, всезнающий, для меня он стал идеалом. Я выбивался из сил, чтобы выполнить любое его поручение, хотел быть лучшим. Строил маршруты межзвездных полетов, программировал роботов-автоматов, вычислял формулы терраформирования диких планет. Но Сеятель, казалось, не замечал моего усердия.

– Ким, главное не то, что ты знаешь и умеешь, а то, каким ты вырастешь человеком, – повторял он, а потом приказывал: – Сегодня будешь помогать своим братьям. Они должны уметь столько же, сколько и ты.

Братьями он называл воспитанников, живших в доме, будто мы были одной большой семьёй. Несмотря на то, что все попали к Сеятелю погодками, мне часто приходилось заботиться об остальных: натаскивать их по учебным предметам, поддерживать в трудные минуты. Многие сами просили у меня помощи и совета.

Когда мы выбирались в город, Сеятель мог назвать нашим братом и любого горожанина.

– Вы починили вашему брату, мистеру Домбровскому, радиоприемник? Он пригласил нас на обед. Не забудьте о вежливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.